

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. Н. РАДИЦЕВА

1. Сто пятьдесят лет тому назад в Петербурге трагически погиб первый русский революционер, великий писатель и философ Александр Николаевич Радищев. Он умер в расцвете творческих сил, в самом начале своей новой, после возвращения из десятилетней ссылки, деятельности. Не зная на окружающую его, бывшего политического ссыльного, атмосферу позорности и враждебности, несмотря на одолевшие болезни и нужду, он с удивительной современников молодостью духа и мужеством принялся «за прежнее», за дело своей жизни — «спиритизм вольности».

Получив свободу в новом, XIX веке, Радищев не собрался жить смиренным верноподданым. Он понимал, что сама история определила ему зыбкий и славный жребий — нести навстречу будущим поколениям наследие и опыт русского просвещения XVIII века.

Именно в эту пору широких замыслов, больших начинаний и активной работы Радищева его вновь постигла тяжелая десница самодержавия.

Вся жизнь Радищева, исполненная мужественной борьбы с самодержавием, — подвиг, пример беззаветного служения Родине, страстной и вдохновляющей любви к своему народу. Революционные убеждения сформировали характер этого человека. В его лице Россия увидела, какую могучую силу духа, какую колоссальную и неукротимую энергию, какую огромную веру в будущее, веру в творческие силы народа, в светлую судьбу Родины рождает революционная деятельность. Навсегда связав литературу с революционной борьбой, Радищев определил новый тип русского писателя-гражданина.

Радищев стоит на грани двух эпох. Он завершает развитие просветительских идей XVIII века, знаменуя высшее достижение русской культуры этого замечательного века, и начинает новую эпоху развития русской общественной жизни. Его деятельность знаменовала выступление на арену всемирной истории России революционной.

«Весь мир признает теперь, — пишет товарищ Сталин, — что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР, как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, признавая в нем единственное свое отечество. Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, русскому рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетариат других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительную историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная. Россия Радищевых и Чернышевских, Желябых и Ульяновых, Халтурных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса».

Это положение И. В. Сталина раскрывает широкое, ясное перспективное изучение национальной специфики русской культуры, понимания русской классической литературы. Оно в то же время свидетельствует, что весь грандиозный и славный опыт революционной России и связанной с нею передовой русской литературы служит наущением сегодняшним интересам, служит делу победы коммунизма. Оно определяет и место Радищева в истории нашей литературы.

Советская литература наследует колоссальные богатства русского реализма, использует как свое испытанное и до сих пор грозное оружие, учится у него высокому искусству художественного воплощения передовых идеалов. А у русского реализма существует своя богатая и славная родословная — он основан и воспринят все лучшее из созданного русским народом в письменном и устном творчестве. Литература XVIII века и творчество просветителей прежде всего, с одной стороны, народная поэзия, сказка, повестки — с другой, все это стоит у колыбели русского реализма. Но особая роль в формировании будущего мощного расцвета родной литературы выдвинула на долю Радищева. Его революционные убеждения определили необычайно долгое содержание и качество его эстетики. Он открывает новую страницу в истории русской литературы, он является основоположником новых, плотоотворных, органически русских традиций. Его творчество, прощая «громаду лет», живо и бессмертно, близко и дорого нам — его потомкам.

2. Необычайная активность широких народных масс — отличительная особенность истории России XVIII века. Быстро растущая Россия, бурное развитие поднимающейся нации — это было живым ощущением современников, формировавшим их патристические чувства. В условиях огромных преобразований, происходивших в России в ту эпоху, в годы крупнейших политических и военных событий, когда были приведены в движение колоссальные массы народа, проявившего в этих событиях «бездну сил и мощи» (Герцен), культура складывающейся нации испытала на себе мощное и плодотворное влияние демократической идеологии. Особенно сильным это воздействие было в 60—70-е годы, когда небывало в истории России размах достигла освободительная борьба крепостных.

Сила поднимающейся нации, нарастающая из года в год антифеодалная борьба русских крестьян — вот что определило убеждения первого русского революционера.

Глубокими корнями связан Радищев с жизнью русского народа, с русской традицией, с событиями своего времени. Родившись в 1749 году, он получает «начальное образование души» под руководством крепостных наставников. Яннушка Прасковья привила мальчику с детства любовь к народным песням и сказкам, дядька Петр Мамонтов обучил грамоте, родному языку.

Появ в Москву, мальчик занимается при Московском университете. Несколько лет учился он по университетской программе, по ломоносовским книгам. Занятия эти были прерваны назначением мальчика в Нижегородский корпус, откуда вскоре он был отпра-

лен в Лейпцигский университет. Жизнь в Лейпциге с 1766 по 1771 год совпала с годами юности. Университет дал фактически знания, помог изучать медицину, право, естественно науки, литературу, иностранные языки. Но главное, свидетельствует Радищев, — это время он научился мыслить. Здесь познакомился он с сочинениями Гельвеция, Дидро, Вольтера, Мабли, здесь, вместе с другими, жадно читал русские книги — «Философические предисловия» Бозальского, сатирический журнал «Трутен», подвигавший на своих страницах вопросы о крепостном праве, о жестоких дворянах.

По возвращении в 1771 году в Петербург, Радищев немедленно вступил в ряды активно работавших русских просветителей. Продолжая начатую им борьбу с екатерининской политикой, он переложил книгу Мабли «Размышление о греческой истории», снабжая ее своими примечаниями. Одно из этих примечаний о самодержавии явилось первым политическим сочинением Радищева. Истинный ненавистник самодержавия, он определяет его, как «на-

сатирический, направленный против крепостников журнал «Почта духов». Поручик Кречетов создает из различных тайное общество, поставившее целью борьбу с самодержавием. Со всеми этими людьми Радищев был связан узами личных и дружеских отношений, общим делом. Будучи знаком с Фонвизиным, высоко ценил его смелые сатирические сочинения, он пропагандировал их в своих книгах. С Новиковым он поддерживал все время деловые отношения. Сейчас обнаружены материалы, свидетельствующие о знакомстве Радищева с Кречетовым.

Разрешив в своих сочинениях идеи национальной революции, Радищев преодолел историческую ограниченность просветительской идеологии, поднял русское просвещение на новую высоту. Тем самым он стал главой русского просвещения.

3. Радищев-писатель — прежде всего новатор. И это новаторство проявилось из его революционных убеждений. Потому назвал его Пушкин «нововодителем в душе». Избрал литературу, художественное слово своим делом революционером, он должен был искать, предостерегая старыми канонами, прокладывать пути для небывалого еще содержания, для воплощения новых идей, то есть создавать новую эстетику.

Читая и перечитывая сегодня сочинения Радищева, удачные от нас временем и грандиозными событиями истории, испытываем радость, волнующие чувства близости и узнавания. Читая, например, небольшое, всего в несколько страниц, «Письмо другу, пишущему в Тобольске», посвященное событию петербургской жизни 80-х годов — открытию фальконетова памятника Петру I, понимаешь, что именно с этого «Письма» появилась в русской литературе тема Медного воеводы. Радищев угадал в Петре и великого русского человека-патриота, на-

противоположное человеческому естеству состояние».

Год выхода первой литературной работы Радищева совпал с перемной службой (овер-аудитор) раскрыла Радищеву жизнь крепостного крестьянства, крупнейшие злоупотребления помещиков при продаже рекрутов, преступные действия правительства. Главное занятие Радищева состояло в разборе дел богдых рекрутов. Именно под влиянием впечатлений военной службы Радищев написал план своей первой общественной статьи на тему русской жизни: «О злоупотреблениях при рекрутском наборе», который недолго стал известным.

Служба в дивизии позволила Радищеву близко познакомиться с и с холмом крестьянского востания. Он читал приказы военной коллегии, доношения военачальников, указы Екатерины, беспрестанно находился в личном общении с людьми, прибывавшими с места военных действий. Так оказалось возможным узнать и о знаменитых манифестах Пугачева, в которых были высказаны надежды, требования народа.

События крестьянского востания послужили мощным толчком для теоретической работы Радищева. Он изучает историю народного движения, революция в Европе и Америке. Востание Пугачева является рубежом в идейном развитии Радищева. Он становится революционером. Об этом свидетельствуют его произведения 80-х годов, связанные единством революционной мысли.

Демократические воззрения Радищева, конкретность исторического мышления позволили ему увидеть живую историю, утвердившегося на его глазах в Америке буржуазного строя, антинародный характер социальных и политических установлений американской республики. Вот почему в «Путешествии из Петербурга в Москву» он гневно заклеймил американскую демократию, узаконившую рабство негров, отказавшись назвать «благенной» страну, «где сто гордых граждан утонут в роскоши, а тыщяи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мразя укрова».

80-е годы — героическое десятилетие русской литературы XVIII века, десятилетие великих успехов русского просвещения. Объединенные общими целями, руководимые едиными патристическими чувствами, русские просветители начали самостоятельную и героическую борьбу с самодержавием государства. В Москве развернул деятельность Новиков. Он создал мощный просветительский центр, в распоряжении которого было 3 типографии, 5 журналов, газета.

Вокруг этих типографий и периодических изданий объединились сотни передовых деятелей — писателей, ученых, переводчиков, редакторов, распространителей книг по России. В Петербурге активно выступал Фонвизин, молодой Крылов, Кречетов, Фонвизин выступил с народной комедией «Недоросль» — высшим художественным достижением русского просвещения в области театра. Его «Придворная грамматика» — грозное сатирическое произведение, обличавшее Екатерину и ее двор. Вслед за Новиковым Фонвизин предпринимает попытку издания сатирического журнала «Друг честных людей или Стародум». В конце десятилетия в литературу вступил молодой Крылов, вступил как ученик Новикова и Фонвизина, выпустив свой первый

сатирический, направленный против крепостников журнал «Почта духов». Поручик Кречетов создает из различных тайное общество, поставившее целью борьбу с самодержавием. Со всеми этими людьми Радищев был связан узами личных и дружеских отношений, общим делом. Будучи знаком с Фонвизиным, высоко ценил его смелые сатирические сочинения, он пропагандировал их в своих книгах. С Новиковым он поддерживал все время деловые отношения. Сейчас обнаружены материалы, свидетельствующие о знакомстве Радищева с Кречетовым.

Разрешив в своих сочинениях идеи национальной революции, Радищев преодолел историческую ограниченность просветительской идеологии, поднял русское просвещение на новую высоту. Тем самым он стал главой русского просвещения.

3. Радищев-писатель — прежде всего новатор. И это новаторство проявилось из его революционных убеждений. Потому назвал его Пушкин «нововодителем в душе». Избрал литературу, художественное слово своим делом революционером, он должен был искать, предостерегая старыми канонами, прокладывать пути для небывалого еще содержания, для воплощения новых идей, то есть создавать новую эстетику.

Читая и перечитывая сегодня сочинения Радищева, удачные от нас временем и грандиозными событиями истории, испытываем радость, волнующие чувства близости и узнавания. Читая, например, небольшое, всего в несколько страниц, «Письмо другу, пишущему в Тобольске», посвященное событию петербургской жизни 80-х годов — открытию фальконетова памятника Петру I, понимаешь, что именно с этого «Письма» появилась в русской литературе тема Медного воеводы. Радищев угадал в Петре и великого русского человека-патриота, на-

противоположное человеческому естеству состояние».

Год выхода первой литературной работы Радищева совпал с перемной службой (овер-аудитор) раскрыла Радищеву жизнь крепостного крестьянства, крупнейшие злоупотребления помещиков при продаже рекрутов, преступные действия правительства. Главное занятие Радищева состояло в разборе дел богдых рекрутов. Именно под влиянием впечатлений военной службы Радищев написал план своей первой общественной статьи на тему русской жизни: «О злоупотреблениях при рекрутском наборе», который недолго стал известным.

Служба в дивизии позволила Радищеву близко познакомиться с и с холмом крестьянского востания. Он читал приказы военной коллегии, доношения военачальников, указы Екатерины, беспрестанно находился в личном общении с людьми, прибывавшими с места военных действий. Так оказалось возможным узнать и о знаменитых манифестах Пугачева, в которых были высказаны надежды, требования народа.

События крестьянского востания послужили мощным толчком для теоретической работы Радищева. Он изучает историю народного движения, революция в Европе и Америке. Востание Пугачева является рубежом в идейном развитии Радищева. Он становится революционером. Об этом свидетельствуют его произведения 80-х годов, связанные единством революционной мысли.

Демократические воззрения Радищева, конкретность исторического мышления позволили ему увидеть живую историю, утвердившегося на его глазах в Америке буржуазного строя, антинародный характер социальных и политических установлений американской республики. Вот почему в «Путешествии из Петербурга в Москву» он гневно заклеймил американскую демократию, узаконившую рабство негров, отказавшись назвать «благенной» страну, «где сто гордых граждан утонут в роскоши, а тыщяи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мразя укрова».

80-е годы — героическое десятилетие русской литературы XVIII века, десятилетие великих успехов русского просвещения. Объединенные общими целями, руководимые едиными патристическими чувствами, русские просветители начали самостоятельную и героическую борьбу с самодержавием государства. В Москве развернул деятельность Новиков. Он создал мощный просветительский центр, в распоряжении которого было 3 типографии, 5 журналов, газета.

Вокруг этих типографий и периодических изданий объединились сотни передовых деятелей — писателей, ученых, переводчиков, редакторов, распространителей книг по России. В Петербурге активно выступал Фонвизин, молодой Крылов, Кречетов, Фонвизин выступил с народной комедией «Недоросль» — высшим художественным достижением русского просвещения в области театра. Его «Придворная грамматика» — грозное сатирическое произведение, обличавшее Екатерину и ее двор. Вслед за Новиковым Фонвизин предпринимает попытку издания сатирического журнала «Друг честных людей или Стародум». В конце десятилетия в литературу вступил молодой Крылов, вступил как ученик Новикова и Фонвизина, выпустив свой первый

писать о русском народе, что ему предстоит решить судьбу русского государства.

При этом, создавая образ русского народа, Радищев указал на прямую связь своей эстетики с русской несней. Связь эта определялась внутренними причинами: поэзия, обнаруживая «образование души нашего народа», раскрывает его характер. «Путешествие» пронизано поэсией стихий.

Так, Радищевым была введена в литературу великая, неумирающая тема: поэзия, открывающая пути постижения национального духа народа, его характера, его идеала, его великой судьбы. Впервые в «Путешествии» эта тема нашла свое полноценное выражение в русской литературе тема народности в поэтическом образе песни, дороги, птицы-тройки, гениально раскрытая в стихах Пушкина и Лермонтова, в «Мертвых душах» Гоголя. Именно с этих поэм была заложена традиция через поэзию вводить в литературу народ, через поэзию раскрывать истинно демократическую идеологию и утверждать жизнь и труд народа, его историческую деятельность и духовное богатство, его нравственную красоту и отважный патриотизм.

4. «Путешествие из Петербурга в Москву» — высшее достижение Радищева-писателя. Но после него он написал ряд новых сочинений, которые были на таком же высоком уровне.

Ссылка в Сибирь, последовавшая за изданием «Путешествия», не сломила писателя. Оставаясь революционером до конца дней своих, он все отдался деятельности, постоянно двигаясь вперед. В этом — самая знаменательная черта его жизни: его мировоззрение закалялось испытаниями и опытом, а революционная мысль, вступая в различные области — историю, философию и поэзию, одерживала все новые и новые победы.

Прежде всего должно быть названо философское сочинение «О человеке, о его смертности и бессмертии». В нем Радищев выступил с развернутым обоснованием материализма, как единственного научного мировоззрения. Он продолжил развитие русского материализма, начатого Ломоносовым. Книга Радищева носила воинственный характер, она обрушилась на многочисленные идеалистические системы, гримасы мистического «бредустановления», смело разоблачала религиозно-церковные представления и взгляды на природу и человека. Основной философский вопрос Радищев решает, как материалист. «...Бытие вещей, — писал он, — независимо от силы познания о них и существует по себе». Здесь же Радищев развил тезис о познаваемости мира человеком, категорически отверг учение о врожденных идеях и т. д. и т. п. Материалистический характер воззрений Радищева совершенно очевиден, как очевидна и неизбежная историческая ограниченность его материализма, который не мог не быть мезанистическим. Главное в этом произведении то, что впервые в теоретическую разработку коренных проблем материализма Радищевым вносилась революционная идея, выдвинутые вопросы решались с революционных позиций. Этим радищевский материализм отличался от материализма Гельвеция и Гольбаха, бывших, как известно, сторонниками мирных идей социального преобразования, возлагавших надежды на просвещенного монарха.

Революционер Радищев внес новое в развитие материализма потому, что признал не только зависимость человека от окружающей его обстановки, но и право человека и, главное, возможность изменения этих обстоятельств насильственным путем, изменения собственными силами. Отсюда учение Радищева об активном, общественном человеке, о творческой и преобразующей силе народа, о деятельности общественно-политической, патристической и революционной, как условия развития личности. Такая постановка вопроса о человеке дала данное сочинение Радищева боевым произведением русской философской мысли.

Замечательной особенностью творчества Радищева 1790—1800-х годов являлся его связь с актуальными и злободневными вопросами политической и литературной жизни. Увидев, как после разгрома русского просвещения, осуществленного Екатериной II в 1790—1792 годах, утвердилось новое идеологическое движение дворянства — сентиментализм, возмущенный Карамзиным, Радищев пошел решительно с ним бороться. Уже сочинение «О человеке, о его смертности и бессмертии» было все направлено против философско-эстетической позиции карамзинизма. Принципиально антикарамзинской была и его поэзия.

Радищеву чужда позиция сентименталиста, для которого стихи — «безделки». Радищев-поэт встает в общественную и политическую жизнь страны. Индивидуалистическое самоназначение, частному интересу, камерным чувствам Карамзина и Дмитриева Радищев-поэт противопоставляет интерес Родины, народа, жизнь всего человечества (сатирическая поэма «Бова», «Песнь историческая» и т. д.).

Сочинения Радищева, обращенные к будущим поколениям, были приняты ими. Уже в 1814 году Пушкин вслед за Радищевым пишет свою сатирическую поэму «Бова», а в 1817 — «Оду «Вольности». Гениальные писатели XIX века усваивали Радищев без посредников. Создавая эстетику русского реализма, Пушкин смело и широко использовал открытия и достижения своего предшественника.

Как истинный революционер, Радищев проникновенно верил в будущее. Он умел духовными очами смотреть «сквозь целое столетие». Незадолго до смерти, в последней поэме, он высказал мечту, что его «народ преданный» сокрушит «все преграды, все препятствия», стояние на пути к свободе, преобразует мир, победит «спириту даже», вызывая восхищение и удивление всей вселенной.

Мы горды, что наш народ выдвинул миллионы такой покоряющей силы оптимизма, такой истинно русской страстной и целеустремленной любви к Родине, такой твердости духа. И эта гордость вдохновляет нас.

Забытый Аршань-Зельмень

У южного пригорода Сталинграда, там, где теперь воздвигнута триумфальная арка годового шлюза Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, Волга круто поворачивает на юго-восток. По правобережью до самого Каспия раскинулась необозримая равнина — Сарпинская низменность. Чуть правее от Красноармейска, прямо на юг, протянулась слабообозначенная возвышенность — Ергени — водораздел между Волгой и Доном, прозванный многоступенчатой лестницей трассы судоходного канала.

Восточный склон Ергеней изрезан широкими ложинами и балками, прорытыми бурной весенней водой. Скучна и однообразна природа этого края.

Сталинский план преобразования природы засушливых степей Юго-Востока предусматривает прежде всего орошение на базе вод местного стока путем строительства прудов и водоемов. Естественно, принятого широкого плана преобразования пустынных земель предшествовало изучение опыта строительства водоемов на более мягких балках.

Еще в 1938 году к балке Аршань-Зельмень пришли инженеры гидромелиораторы, геодезисты-топографы. Были разведаны глубинные горизонты геологических пород, измерены размеры водосборной площади и возможные запасы воды, намечено место сооружения плотины.

Сухое русло Аршань-Зельменя в самом узком его месте было пережато плотной. Она встала прочной преградой на пути весенних талых вод, которые разлились на многие километры. Так было создано обширное искусственное озеро. Площадь водного зеркала его — более тысячи гектаров, полезный объем — 35 млн. кубических метров воды. Аршань-Зельменская система — сооружение глубокой инженерной мысли, большого искусства.

Колхозники ближайших колхозов начали осваивать сложную технику орошаемого земледелия на сотнях гектаров.

Уже спустя год колхоз «Гигант» собрал на орошаемых участках урожай яровой пшеницы по 22, а озимой пшеницы по 26 центнеров с гектара.

Стало развиваться овощеводство. Урожай капусты на поливных участках превысил 225 центнеров с гектара, свеклы — 300, картофеля — 250. Резко возрос урожай кормовых культур. Люцерны при трех укосах за лето давала до 75 центнеров высокопитательного сена. Колхозники начали возделывать новые культуры. Рис приносил урожай по 42—44 центнера с гектара.

Сейчас четыре укрупненные артели Сарпинского района — «Гигант», «Вторая пятилетка», «Путь Ленина» и имени Молодова — орошают земли из Аршань-Зельменя. Здесь создан государственный сортоучасток, который испытывает наиболее высокоурожайные, приспособленные к местным условиям сорта злаков и технических культур. Организован также лесопитомник Мало-Деретовской ЛЭС. Он должен выращивать миллионы саженцев, необходимых для насаждения государственных лесных полос и промышленных дубрав в Сарпинской низменности и Ергеней. В районе Аршань-Зельменя, в урочище Голжур, организовано научное учреждение — станция Академии наук, изучающей лесорастительные условия, способы мелиорации солонцев и другие вопросы, связанные с преобразованием природы этого засушливого края.

Мы заинтересовались, как используется сейчас Аршань-Зельменская система. Какие средние урожаи получают колхозы на закрепленных за ними орошаемых землях?

Главный агроном Шеберовской МТС, обслуживающий колхозы Аршань-Зельменя, тов. Рабоченко вместо ответа на наши вопросы беззаботно махнула рукой: «Я говорить об этом не хочется».

В 1951 году на Аршань-Зельмене, по ее словам, ни на одном из орошаемых участков не было ни правильной обработки почвы, ни правильного и своевременного полива, поэтому, естественно, о хороших урожае в этих условиях говорить не приходится.

ФЕЛЬЕТОНЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

МЕДЛЕННЫЕ ТОКИ

На сцене одного эстрадного театра нам довелось увидеть бойко разыгранную шутку.

В сценке тотчас сбывалось все, что угодно строгая горничная.

— Пусть я провалюсь на этом месте, если сказал неправду, — решительно заявлял один из героев и тут же проваливался в бездну.

— Ко всем чертям! — необдуманно говорил героиня своему супругу, и на сцене немедленно появлялась большая группа черт, на глазах у ошарашенной супруги уносивших главу дома.

Но это — сцена. А что могло бы произойти в мире науки и техники, если бы события разворачивались так, как их иногда описывают?

Тогда по вине очеркиста «Вечернего Ленинграда» А. Силакова погиб бы хороший и нужный человек. Он горел бы на посту не в перископе, а в прямом смысле. Это нетрудно доказать.

В газете «Вечерний Ленинград» от 18 марта нынешнего года мы прочли в очерке «Смелый шаг» такое смелое утверждение: «Инженер ошугнул то же, что испытывал электрик, впервые включивший рубильник сверхвысокого напряжения».

Что же испытал бы электрик-самоубийца, вздумавший таким оригинальным способом закончить расчеты с жизнью? Ясно одно: о своих ощущениях он не успел бы рассказать очеркисту А. Силакову, так как был бы убит током в первую долю секунды, едва успев прикоснуться к рубильнику.

Электрик не являлся бы за рубильник еще и по другой причине. Нет этих рубильников там, где включается ток сверхвысокого напряжения. Тот же «Вечерний Ленинград» по несколько дней до «Смелого шага» подробно рассказывал на своих страницах о выискуемых ленинградскими предприятиями мощных автоматических выключателях сверхвысокого напряжения в 110, 220 и 400 тысяч вольт. Какой тут рубильник!

Повелев рубильник и писателя Л. Никулина. Если бы событие разворачивалось так, как он их описал в очерке «Смелый шаг» («Огонек», № 10, 1952 г.), то один из крупных ленинградских энергетиков был бы волей автора смещен в дежурные монтеры.

«Когда главный диспетчер Ленэнерго включает рубильник», — сообщает Л. Никулин, — вспыхивают лампы на высоких мачтах, установленных вдоль Невского. Как и

Аршань-Зельмень сегодня — печальный пример того, как плохо используются богатые возможности для повышения урожая. Участники гарантированного урожая почему-то оказались на положении второстепенных приделков к основным массивам богатых посевов колхозов.

Сталинградское областное управление сельского хозяйства проявило, было, некоторую инициативу в улучшении использования орошаемых земель в Сарпинском районе, но медлительность, отсутствие проверки принятых решений свели на-нет эту инициативу.

Между тем проект директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану предусматривает «обеспечить высокопроизводительное использование всех орошаемых и осушенных земель».

В Сталинградской области на базе Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина и Сталинградской ГЭС предусматривается орошение обширных площадей.

К этому надо готовиться уже сейчас. Но с подготовкой колхозников и механизаторов к приему «большой воды» дело обстоит из рук вон плохо. Шеберовская МТС (а она отнюдь не исключение) не оснащена машинами и механизмами, предназначенными для обслуживания орошаемого земледелия. МТС не располагает, например, заводскими подсобными станциями; они изготовлены кустарным способом, дороги, работают неэкономично. Нет также высокопроизводительных канавокопателей, бороделатель и других необходимых машин.

Но лучше обстоит дело и с подготовкой кадров поливальщиков. Специальные звенья в колхозах не созданы, серьезное обучение приемам орошения не организовано.

Агротехника на Аршань-Зельмене не соответствует пока современным требованиям. Здесь нет твердо установленных севооборотов с развитым травосением, а к обеспечению каналов, водохранилища и орошаемых участков еще совсем не приступили, несмотря на соседство лесопитомника.

Чересполосное использование земельных массивов четырьмя колхозами, сортоучастком, лесопитомником и некоторыми районными организациями (липецкомбинат, заготовку, кустропромхоз) мешает введению научно обоснованного севооборота, создается перестройка в размещении культур, затрудняется механизация.

Базой всей системы является местный сток, преимущественно весенних талых вод. Но количество накапливающейся воды резко колеблется по годам, а иногда запас ее бывает недостаточен для производства поля. В связи с этим, нам кажется, целесообразно бы заблаговременно продумать вопрос о присоединении Аршань-Зельменской системы к одному из магистральных каналов, например Ергенинскому, сооружаемому на базе водохранилищных ресурсов Волго-Дона, и по возможности водохранилища хотя бы с чет севооборотов воды.

Аршань-Зельмень может быть практически университетом по овладению приемами орошаемого земледелия для колхозов засушливых районов Юго-Востока. Необходимо только оснастить его оборудованием и привлечь к преподаванию опытных мелиораторов-практиков. В целях научного обоснования проектов строительства оросительных систем в зоне светлотаптановых почв Аршань-Зельмень мог бы послужить действующей моделью для изучения ряда актуальных вопросов мелиорации.

Таковы будущие сегодня и возможные перспективы ближайшего будущего Аршань-Зельменя. Сталинградское областное управление водного хозяйства (тов. Пустыгин), Министерство сельского хозяйства и Главводхоз при Совете Министров РСФСР забыли об Аршань-Зельмене. А эта система, находящаяся в центре великих работ по орошению и обводнению земель засушливого Поволжья, построенная на основе новейших данных ирригационной науки, может и должна быть превращена в образцово-показательный пункт орошаемого земледелия в зоне перенца великих строек коммунизма — Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина.

Вот почему так важно, чтобы писатель, журналист посвящая свой вдохновенный строк сегодняшним делам новаторов, а пользуясь при этом сведениями, почерпнутыми из источников двадцатилетней давности.

Иногда писатели обобщают: экие блокноты! Разве важно, кто включает рубильник, зачем включает? Это поэтическая деталь. Нельзя подходить к художественному произведению с мерками учебника физики.

С мерками учебника к художественному произведению подходить опасно, но, начавшись таких произведений, и к рубильникам тоже опасно подходить. Как же быть, товарищи писатели?

А бывает, что и погоня за внешней красотой описания приводит автора к неприемлемому противоречию со здравым смыслом. На одном из энергетических предприятий Ленинграда помнят незадачливую «опультиваторку» технику, который с серьезным видом писал в отчете о пуске электростанции: «В торжественный момент включения рубильников ток медленно потек по натруженным, как струны, проводам, чтобы привести в движение машины, моторы, агрегаты...»

Ккие убогости принесла бы народному хозяйству «медлительность» электрического тока, да еще вдобавок идущего по туго натруженным проводам, которые лопнули бы при первом морозе...

Осторожнее с рубильниками, товарищи литераторы!

Б. БОРИСОВ, М. ШАБАД,
инженеры-электрики

Когда Беренев и Шубин беседуют об Исаеве, Шубин спрашивает Беренева: — Умный? Даровитый? — Умный? Да, даровитый? Но знаю... Слово «даровитый» здесь переводится непонятным словом арабского происхождения «законатли». Между тем это слово сейчас не употребляется в узбекском литературном языке.

Выражение «слегка расквашивая свой тонкий стан при каждом шаге» перенесено словами «таманно близи». Слово «таманно» настолько устарело и забыто, что многие узбеки не знают его значения. Мне, например, чтобы понять смысл этого арабского слова, пришлось порыться в арабско-русском словаре Баранова. Оказалось, что «таманно» означает «кокетство».

Выражение Шубина, неоднократно употребленное им в отношении Улара Исаевича — «чернозямная сила» — перенесено словами «орка-пунит». В этом архаичном словосочетании и «орка» и «пунит» (орка — на узбекском, пунит — на персидском) означают «спина». Удивительно, какую связь нашел переводчик между черноземной силой и спиной?

Переводчик явно злоупотребляет арабскими словами, давая вышедшим из употребления. Между тем у него была полная возможность пользоваться общепринятыми узбекскими словами.

В романе «Накануне» все герои строго индивидуализированы и каждый живет своей жизнью. Помимо всего, писатель достиг этого тем, что индивидуализировал речь своих героев. Но и переводе эта индивидуализация речи героев сохранена неполно. Беренев, например, в оригинале часто употребляет слова «я хотел сказать», «представьте», «видите ли» и т. д. В большинстве случаев эти вводные слова береневской речи переведены приблизительно и даже неверно.

Исаев характерен своей простотой и в манерах, и в речи. Однако у Исаева она облекается совсем не свойственным ему образом. В оригинале Исаев говорит Елене: «Ну, и спасибо вам за это. Вот видите ли, Елена Николаевна...». А в переводе: «За это я очень вам благодарен. Каше мое сведению, Елена Николаевна...». Простая, чуть застенчивая речь Исаева в переводе превратилась в речь фразера. Вместо вежливой и сдержанной «видите ли», он бросает казенное «к вашему сведению».

Во всяком переводе самое трудное — это передача стиля писателя, речевых особенностей действующих лиц. Это трудность И. Шамшаров не смог преодолеть. Даже там, где при более напряженном труде можно было бы найти соответствующие активные формы для передачи речевых характеристик героев, переводчик не сделал этого. Он просто обошел трудности за счет снижения качества перевода. Встречаются в переводе и грубые ошибки — явные невнимательного изучения и обдумывания переводимого материала. Подмосковная местность Царьико-плоть и рядом передана в Царьико-плоть. Слова Елены «Я знаю, что я хочу сказать» переведены наоборот: «Я сама не знаю, что хочу сказать», и т. д.

Эти и подобные им ошибки показывают, что переводчик выполнял столь ответственную и почетную работу с непростительной торопливостью и беспечностью. Многие недостатки перевода можно было исправить редакторским пером, но и это не было сделано. Роман И. Тургенева «Накануне» в узбекском языке в значительной мере утратил свою художественность. Это тем более обидно, если учесть, что переводы классиков русской художественной литературы издаются в Узбекистане не часто.

Тургенев мастерски использовал богатство русской речи. Его стиль характеризуется непринужденной мелодичностью, лиричностью, простотой и ясностью. Он умел глубоко и метко улавливать тончайшие оттенки мысли и настроения людей. К сожалению, в узбекском переводе романа «Накануне» мы нередко сталкиваемся со словами, выраженными и целыми предложениями, которые ничуть не похожи на тургеневские.

На первой же странице романа фраза автора «Все в нем дышало счастьем и любовью, дышало молодостью — беспечностью, самоудовлетворенностью, изобилием, прелестью молодости» — переведена следующим образом: «Во всем его облике ярко бросались в глаза веселость, гордость молодости — беспечность, изобилие, прелесть молодости» (подчеркнуто нами. — П. К.). Видно, что предложение скомкано и обидно. Почему-то выброшены слова «счастливым», «здоровым», «самоудовлетворенным», почему-то к слову «молодость» приклеена «гордость»; яркое и повторенное Тургениным два раза «Все в нем дышало» заменено стертым выражением «ярко бросались в глаза».

Еще несколько примеров. В конце первой главы у Тургенева есть такое предложение: «Шубин отправился вслед за ним, развлекшись-грациозно переступая своими маленькими ножками». Переведена эта фраза так: «Шубин отправился вслед за ним, неуловимо переступая своими короткими ножками». По воле переводчика, «развлекшись-грациозно» превратилось в «неуловимо», а «маленькие ножки» в «короткие ноги».

В конце IV главы у Тургенева есть место, где говорится: «Душа ее раскрывалась, и что-то нежное, справедливое, хорошее не то выливалось в ее сердце, не то выливалось в нем». Переводчик передает это так: «Душа Елены раскрывалась и что-то нежное, справедливое, хорошее то выливалось в сердце, то чувствовалось, будто ее сердце все растает».

Характеристика, данная автором Исаеву, — «...содеточенная обдуманность единой и последней страсти обдумывалась в каждом его слове» — переведена таким образом: «В каждом его слове слышалась твердая мысль и давшая страсть». Нельзя не заметить, что один только подчеркнутый писателем штрих в характере героя в переводе раздроблен, при этом упущены такие важные для обрисовки образа слова, как «сосредоточенная обдуманность» и «единой».

Число таких примеров можно было бы увеличить. Все они говорят о том, что переводчик глубоко не изучил, не понял творческих и стилистических особенностей великого писателя и не сумел полностью передать богатство и прелесть романа.

«Берегите чистоту языка, как святыню», — писал Тургенев. — Никогда не употребляйте иностранных слов». Говоря так, он сам был до конца верен своему призыву.

И. С. Тургенев, «Араба» («Накануне»). На узбекском языке. Ташкент, Узгосиздат, 1951. Перевел И. Шамшаров. Редактор Х. Гулям.

Советская литература непрерывно обогащается новыми произведениями писателей братских республик. Лучшие из этих книг переводятся на русский язык, становятся достоянием всего советского народа. Художественный перевод стал в СССР поистине государственным делом. Между тем большинство переводчиков и редакторов центральных издательств все еще работают вслепую, без знаний языков, без основательного изучения культур братских народов.

На совместном заседании Бюро комиссии по литературе народов СССР и бюро секции переводчиков национальных литератур обсуждался вопрос об организации изучения языков и культур братских народов СССР. Выступивший с сообщением об имени бюро секции переводчиков братских литератур В. Россель рассказал о том, что бюро предлагает провести в ближайшее время в столицах союзных республик полугодовые курсы для переводчиков на русский язык, а также редакторов отделов литератур народов СССР центральных издательств. На курсы необходимо командировать наиболее способных молодых переводчиков, опытных мастеров перевода, до сих пор работающих по подстрочнику, редакторов центральных издательств. К занятиям на курсах необходимо привлечь и местных, живущих в республиках переводчиков.

Слушатели курсов в течение пяти месяцев, помимо ежедневных занятий по языку, должны прослушать лекции по истории республик, истории ее культуры и литературы, экономикогеографии. Шестой месяц будет посвящен поездке по республике, ознакомлению с ее промышленностью и сельским хозяйством, с культурой, трудом и бытом народа. Одновременно в Москве при правлении Союза писателей или Главполитграфиздате необходимо организовать постоянно действующую кружку по изучению языков народов СССР.

Предложение секции переводчиков поддержали участники совещания. Они вносили свои дополнения, критиковали отдельные недостатки предложенного проекта. Было предложено, кроме групповых занятий в республиках, организовать в Москве для переводчиков семинары по вопросам ленинско-сталинской национальной политики и развития советского языкознания в свете генеральных трудов товарища И. В. Сталина. Много ценных замечаний было высказано по поводу намечаемой программы курсов. Председатель Бюро комиссии по литературе народов СССР Л. Климович подчеркнул, что выездные курсы переводчиков и редакторов — лишь звено в цепи мер, необходимых для улучшения переводческого дела в нашей стране. Одновременно с этим надо ставить вопрос о создании переводческого факультета и кафедры художественного перевода в Литературном институте имени А. М. Горького, о введении на филологических факультетах университетов РСФСР обязательного изучения одного из языков братских народов, об улучшении работы по изданию переводов, о подготовке кадров переводчиков на языки народов СССР, об издании словарей и т. д.

На заседании присутствовали представители Главполитграфиздата, но их голоса сорвались так и не услышаны. Вовсе не явились на заседание представители Гослитиздата и издательства «Советский писатель». А между тем вопрос, обсуждавшийся на этом заседании, должен кровно интересовал эти организации.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«НЕВЗЫСКАТЕЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ»

Правление ССП Мордовской АССР сообщает, что опубликованная в «Литературной газете» статья «Невызыскательная редакция» была обсуждена на собрании писателей Мордовской республики. Критика в адрес редакционной альманаха «Литературная Мордовия» признана правильной. Собрание признало необходимым укрепить состав редколлегии альманаха. Решением собрания регулярно обсуждается материал альманаха, устанавливается подлинная коллективность в работе редколлегии, практикуются отчеты редколлегии альманаха перед читателями, повышается требовательность к публикующимся в «Литературной Мордовии» произведениям.

Этого добиваются советские люди, и с помощью колхозников одерживают победу. В середине рассказа между дедушкой Теваном и пионеркой Маро Маралици происходит такой разговор:

— Как только поспевает первое яблочко, принесу тебе.

— Если поспевает, дочка, то съем, — улыбнулся Теван. — Но думаю: умру, не дождусь.

— Дождешься, дедушка, дождешься! — заговорили все хором, а Маро прибавила: — Вот съешь наше яблочко, дедушка, сразу помолодеешь.

— Да, — улыбнулся старик, — значит, ваше яблочко будет яблочком молодости.

Если в буржуазном обществе прекрасные яблони сады, как и все прекрасное на свете, нередко обращались гибелью для их создателей, становились яблоком раздора, то советские люди растят яблоко молодости, счастья и славы.

Все для человека, все во имя человека. Этот незыблемый принцип советской этики — идея основа книги Стефана Зорьяна.

Следует отметить, что в отношении мастера «Яблоневый сад» сильнее других рассказов сборника. Здесь сюжет служит глубоким раскрытию характеров, противоречий жизни; здесь с каждой страницей нарастает, усиливается драматизм событий; здесь нет ненужных подробностей. В рассказе же «Вардадорская коммуна» и «Ребята из Сарашана» немало лишнего, нет точного сюжета и развернутых характеров. Намеченные конфликты не получают развития и разрешаются как-то вдруг, вне процесса преодоления трудностей, художественное изображение иногда подменено перечислением событий.

В писательской манере Стефана Зорьяна ясно видны хорошие чеховские традиции. Хочется пожелать талантливому мастеру, чтобы эти традиции получили дальнейшее развитие и помогли преодолеть иллюстративность, настроение идиличности, противоречия и теме сборника и художественным принципам, которые лежат в основе этой книги.

Б. БРАЙНИНА

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Мы знаем некоторые театральные мемуары, где широким автором рассыпаны мельчайшие подробности старого театрального быта, где рассказывается о кушачах-менатах, о театральной богеме, о нюансах атрибутов старинного спектакля. Справедливость требует сказать, что и такие мемуары читаются порой с интересом. Однако, закрыв книгу, мы ощущаем чувство неудовлетворенности. Становится досадно, что в этой толстой книге (а мемуары чаще всего бывают «толстыми») перед нами пролетает целая галерея известных и малоизвестных лиц, последние страницы перекрута, а вы не узнали главного: каких труд-

чувствовать за рассказом об обычном, о повседневной учебе — дух героических подвигов, славных побед русского оружия. В этом сила рассказа. Его наибольшая слабость в пристрастии автора к морализаторству, в недоверии к языку художественных образов. Нужно, например, показать, что дисциплинированный матрос Пронин совершил ошибку, но возмездия по-товарищески на борозного и легкомысленного Шурупова, — и некий безымянный мичман проносит это по поводу цесуя тираду.

Если рассказ «Песня о трех эсминцах» должен был быть до написания серьезно доработан, то такой рассказ, как «Ветречка» Л. Соловьиной («Смена», № 3), рассказ холодный и ремесленный, вообще не имел права на опубликование в журнале.

В знающей кожанке Кате Беловой едет ее жених — моряк, штурман Сергей Перцов. Перцов получил внеочередной отпуск, как сказано у автора, «за отличную боевую подготовку». В день приезда Сергея у Кати возникает решительный спор со старшей дочерью той же Глашей по поводу того, когда должна отелиться корова-рекордистка Красотка. Вот то, что мы узнаем из завязки рассказа. Естественно, что читатель жлет повествования о любви между Сергеем и Катей, о их мечтах, делах, стремлениях, чувствах. Однако и «производственный конфликт» и приезд Сергея, оказывается, нужны автору только для того, чтобы рассказать нехитрую сентиментальную историю о том, как не хотела Катя показываться на глаза жениху в рабочем платье, как тщательно гладила и опрыскивала духами свой выходной наряд, как смяла и изорвала его, ухаживая в роднике за тети-глашиной коровой Веткой и, наконец, благодаря этому особенно понравилась Сергею. На всем рассказе лежит отпечаток слащавости и фальши, в нем нет ни значительной мысли, ни живых характеров.

Любопытна одна деталь. Редакция «Смены» стремится к тематическому единству в большинстве номеров журнала. Рассказ «Ветречка» помещен в номере, целиком посвященном 34-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота. Что же заставило редакцию включить рассказ в этот номер? Видно, только то, что Сергей назван военным моряком. Но ведь никакие ни военные, ни морские качества Сергея не показаны. Ведь будь, скажем, номер посвящен студенчеству, достаточно было изменить два-три слова, чтобы сделать Сергея студентом и приспособить рассказ к новой теме.

Деталь для ремесленных произведений характерна! Она говорит, кстати, и о том, что в данном случае редакция проявила не только нетребовательность к автору, но и похвостное отношение к составлению номера журнала.

В заключение хочется сказать несколько слов не только о том, что есть, но и о том, чего нет в «Смене».

В рассказах «Смены» поднимаются актуальные и интересные темы, и все же такие важные темы, как труд молодежи на великих стройках коммунизма, борьба за мир, освещаются еще недостаточно. Большое место должен был бы найти по праву образ комсомольского работника.

«Смена» привлекает и воспитывает немало способных молодых литераторов и делает этим большое, полезное дело. Однако, к сожалению, на страницах «Смены» почти не выступают с рассказами наши опытные писатели, признанные мастера слова.

Мало в журнале рассказов, пафос которых, наряду с утверждением нового, передового, заключался бы в отрицании старого, отживающего, в активной, непримиримой борьбе с ним.

Большие задачи стоят в связи со всем этим перед редколлегией «Смены». Эти задачи могут и должны быть решены с помощью писательской общественности. «Тонкий» журнал, так же как и «толстый», в равной мере заслуживает ее внимания.

Г. СКУЛЬСКИЙ

дают нас в том, что она повседневно делает большое и важное дело. Поэзия труда, поэзия скромной и неприметной, на первый взгляд, профессии или работы составляет содержание многих опубликованных в журнале рассказов. Из них хочется выделить «Голубые зарницы» Н. Герасимова («Смена», № 1), «Гори, зорька!» Н. Коноплина («Смена», № 9), «Книгоношу» М. Чачко («Смена», № 13).

Героиня рассказа «Голубые зарницы» Вера, девушка с задумчивыми карими глазами — повар, официантка, кладовщик и уборщица исследовательской партии. Вера покинула родное село, чтобы участвовать в строительстве Волго-Донского канала. Дон находится неподалеку, там постоянно вспыхивают электрические зарницы. Но Вера так и не видела Дона, и ей кажется, что она делает что-то не очень важное и, пожалуй, совсем неинтересное, о чем даже не может написать домой.

В рассказе нет избитого молодыми новеллистами чреватого прощания, случая, мгновенно меняющего психологию героя, все происходящее в нем обыкновенно, даже буднично, и быть может, именно поэтому особенно убедительно выглядит перелом, наступающий в сознании героини. Ожидая по вечерам с ужасом опоздавших геодезистов, отказывая себе в небольших, но важных для нее удовольствиях, чтобы прожить трогательную заботу о лодках экспедиционной партии, Вера, сама того не замечая, больше всего волновалась об успехе их работы. И потому, когда в день окончания прокладки трассы канала в приказе наряды со всеми было сказано и о ней: «вложила свой труд в стройку коммунизма», у Веры скоро на смену удивлению пришло сознание, что и ее скромный труд озарен светом великой стройки.

Рассказ Н. Коноплина «Гори, зорька!» повествует о молодой сельской учительнице, в которой растет гордое сознание важности своей профессии. В рассказе М. Чачко речь идет о мальчике, который в дни школьных каникул, как и многие его товарищи, стал книголюбом и выбрал для себя самый дальний и самый трудный маршрут, чтобы обслужить тракторную бригаду. В обоих рассказах есть настоящая человечность и теплота, атмосфера глубокого уважения к любому полезному делу, которые и определяют взаимоотношения советских людей.

Мы не хотели бы, чтобы у читателя создалось впечатление, что все три рассказа совершенно и свободны от недостатков. Это не так! Н. Герасимов, например, сосредоточен все внимание на главной героине, не нашел достаточно ярких красок для обрисовки второстепенных персонажей. В пейзажах, которых много в рассказе Н. Коноплина, проявляется порой стремление автора к ложной «красивости». М. Чачко не хватает мастерства и глубины в некоторых местах, требующих психологического рисунка переживаний и настроений героев.

Серьезного упрека в поверхностном подходе к решению конфликта заслуживают рассказы «В начале весны» Р. Недосекина («Смена», № 8) и «Песня о трех эсминцах» В. Чакина («Смена», № 14). Впрочем, на этом последнем надо остановиться особо.

Тема рассказа — воинское воспитание, морская дружба, верность величественным традициям русского флота. Автор знает флот и любит его. Он умеет показать наших моряков настоящими наследниками героев прошлого, показать, что для них история русского флота — не мертвая книга, а сокровищница вечно живого опыта. Песня о подвиге трех балтийских эсминцев, проходящая лейтмотивом через повествование о дружбе двух молодых моряков, придает ему лирическую взволнованность, заставляет

верный друг Ян Редала и многие другие, с которыми он связан узами великого братства, узами любви и преданности своему классу.

Я считаю, что самым главным достоинством повести А. Кононова является удачное, убедительное изображение дружбы трудовых людей разных народов. Это дружба — сознательная и благородная, зарождающаяся и развивающаяся в трудных условиях чернорабочих, в среде школьного надсмотрщика, шкипа жандармерии Стреленского и директора реального училища Санюшка. Автор изображает ее с большим тактом, ненавязчиво и без подчеркивания, как естественный, само собой разумеющийся процесс, не делая никакой скидки своим героям и не строя из них какие-то парадные, декоративные фигуры, нежизненность которых бросается в глаза даже неуклюжему читателю.

Рассказ кончается сценой большого драматического напряжения. Нунаур умирает. Узнав о злодействе дочери и ее мужа, потрясенный Мартын вырубает яблоневый сад, чтобы не оставлять им свое детство.

Читатель воспринимает яблоневый сад, как символ прекрасного на земле. По-чеховски сдержанно и проникновенно искренне Стефан Зорьян раскрывает странную трагедию, из собственных инстинктов раскрывает жизнь, губит красоту, любовь, поэзию.

Показав в первом рассказе сборника тяжелую участь человека в эксплуататорском обществе, писатель переходит к повествованию о том, как Великая Октябрьская революция переделывает, меняет жизнь, дает людям бескрайние возможности.

В «Вардадорской коммуне» показано, как армянские крестьяне строят сельскохозяйственную коммуны, строят жизнь на новых началах. В рассказе «Черный Сет» пионеры вместе со своими руководителями переосмысливают беспризорного мальчугана Сето.

«Аник», «В дни тревоги» — рассказы о силе и мужестве простого советского человека в дни Великой Отечественной войны.

Подетски радостно и беззаботно жила до войны двенадцатилетняя девочка Аник. Наступила война — отец ушел на фронт, мать целыми днями работает на заводе. Воспитание маленького брата и сестренки и все заботы о доме легли на плечи худенькой, хрупкой Аник. Однако она «не чувствовала ни тяжести, ни трудности и делала все любовно, как бы гордясь, что работает, как взрослая».

Книгу заключает большой рассказ «Ребята из Сарашана», который заставляет вспомнить первый рассказ сборника — «Яблоневый сад». Там талантливый садовод дядя Мартын вырубает свой сад, в рассказе «Ребята из Сарашана» пионеры из высокогорного села насаждают новые яблони, садя там, где они никогда не росли. Пусть старый колхозник дедушка Теван уверяет, что в Сарашане деревья расти не могут, Юные садоводы знают, что «деревья будут расти», раз это нужно любимой Родине, раз

О БОЛЬШОЙ ДРУЖБЕ

А. Кононов написал повесть «Верное сердце» (Летиз, 1952 г. 471 стр.), действие которой происходит в Латвии. Начало событий в книге относится ко дню революции 1905—1907 годов. Автор вводит читателя в тяжелую жизнь латвийского села — под помещичьим ярмом измывают бедные крестьяне, и батраки — русские и латыши. Разный быт и жизненные обычаи у русско-старовера и у латыша; по-разному они верят в бога, но одинаково тяжело испытывают эксплуатацию, горькую нужду и нескончаемые унижения со стороны помещиков, все равно, будь это барон Тизенгаузен, граф Шладурский или просто помещик Перфильевна, происходившая из простых крестьян и благодаря случаю — удачному замужеству — «вышедшая в люди». У простых людей — русских и латышей — общая судьба, общие мечты и стремления, потому в дни революции они сразу находят общий язык и вместе выступают против своих угнетателей.

В центре повествования находится образ русского мальчика Гриши Шумова, сына садовника-старовера. Это гордый, несколько угловатый, пылкий, смелый и честный мальчик. Не сразу он дарит свою дружбу сыну лесника-латыша — Яну Редалю, но когда это происходит, то читателю ясно, что это — дружба на всю жизнь, дружба верных, достойных партнеров. Судьба разлучает их с тем, чтобы в конце повести на короткое время свести вместе и опять развести. Но мы верим, что они никогда не потеряются один для другого и в грядущих великих событиях истории опять пойдут вместе.

В повести много образов, много событий. В коротком объеме невозможно дать оценку всем персонажам, поэтому остановлюсь только на самом главном. Центральной фигурой книги, как я уже сказал, является Гриша Шумов. Автор показывает, как этот мальчик морально и политически созревает для большой боевой жизни борца-революционера, как шаг за шагом он близится к своей благородной цели и становится на тот путь, по которому он призван следовать всю свою жизнь, — путь борца, путь строителя нового мира. В повести мы видим только самое начало этого пути, но у нас не остается сомнений, что Гриша Шумов будет одним из тех, кто через несколько лет пойдет на штурм старого мира, кто будет отстаивать завоевания Октября на фронтах гражданской войны и самоотверженно участвовать в строительстве социализма в стране Советов. Нет у нас сомнения и в том, что рядом с Гришей Шумовым будут стоять его

Вилис ЛАЦИС

ЯБЛОКО МОЛОДОСТИ

Книга Стефана Зорьяна «Повести и рассказы» («Советский писатель», 1952 г., 307 стр.) открывает рассказом «Яблоневый сад». Действие его происходит до революции. Всем ходом повествования автор раскрывает мучительный и неизбежный в эксплуататорском обществе конфликт между свободной творческой энергией человека и собственническим укладом жизни.

С отеческой заботой ухаживает дядя Мартын за своим садом. О его замечатель-

ных опытах, о новых сортах выращенных им яблос знает вся округа. Он любит свой яблоневый сад, как художник, как артист. Совсем иначе относится к саду его дочь Нозм — для нее сад лишь источник дохода, наживной. Нозм и муж ее, латышчик, нетерпеливо ждут смерти отца — тогда сад по наследству достанется им.

Но вот Мартын женится на переселенке, «комсомолочнице» Нунаур. Нозм жестоко избивает молодую женщину, когда та готовится стать матерью, — ведь если у отца появится новый ребенок, то придется навсегда отказаться от мысли о наследстве.

Рассказ кончается сценой большого драматического напряжения. Нунаур умирает. Узнав о злодействе дочери и ее мужа, потрясенный Мартын вырубает яблоневый сад, чтобы не оставлять им свое детство.

Читатель воспринимает яблоневый сад, как символ прекрасного на земле. По-чеховски сдержанно и проникновенно искренне Стефан Зорьян раскрывает странную трагедию, из собственных инстинктов раскрывает жизнь, губит красоту, любовь, поэзию.

Показав в первом рассказе сборника тяжелую участь человека в эксплуататорском обществе, писатель переходит к повествованию о том, как Великая Октябрьская революция переделывает, меняет жизнь, дает людям бескрайние возможности.

В «Вардадорской коммуне» показано, как армянские крестьяне строят сельскохозяйственную коммуны, строят жизнь на новых началах. В рассказе «Черный Сет» пионеры вместе со своими руководителями переосмысливают беспризорного мальчугана Сето.

«Аник», «В дни тревоги» — рассказы о силе и мужестве простого советского человека в дни Великой Отечественной войны.

Подетски радостно и беззаботно жила до войны двенадцатилетняя девочка Аник. Наступила война — отец ушел на фронт, мать целыми днями работает на заводе. Воспитание маленького брата и сестренки и все заботы о доме легли на плечи худенькой, хрупкой Аник. Однако она «не чувствовала ни тяжести, ни трудности и делала все любовно, как бы гордясь, что работает, как взрослая».

Книгу заключает большой рассказ «Ребята из Сарашана», который заставляет вспомнить первый рассказ сборника — «Яблоневый сад». Там талантливый садовод дядя Мартын вырубает свой сад, в рассказе «Ребята из Сарашана» пионеры из высокогорного села насаждают новые яблони, садя там, где они никогда не росли. Пусть старый колхозник дедушка Теван уверяет, что в Сарашане деревья расти не могут, Юные садоводы знают, что «деревья будут расти», раз это нужно любимой Родине, раз

позиций наших дней. Книга не только современна, ее автор близко и понятно искусство реалистического традиций прошлого века, искусство социалистического реализма наших дней. Все, что стоит в стороне от этой столбовой дороги развития искусства, чуждо автору, вызывает горячий протест его, а за ним и читателя.

В книге не все равно. Глава о Комиссаржевской значительно интереснее других главы. Вызывает некоторые возражения композиция книги. В воспоминаниях четыре главы: «В. Ф. Комиссаржевская», «Провинциальный театр», «Гастроли и гастроли», «Александринский театр». Такое построение приводит порой к повторению материала, причем иногда чуть ли не в одном и том же выражении. Например, в первой главе мы находим оценку работы гастролеров, которую «даже не повторялись, будто они любили своих партнеров. Они только произносили слова любви, адресованные через головах этих заполоудных актрис каким-то другим воображаемым женщинам». В третьей главе читаем о Россове: «Он любил Офелию, но не ту, которую играл, а какую-то воображаемую, которую видел поверх головы своей партнерши», и об Абельефф, которые «раз навсегда, на всю жизнь, полюбили каких-то воображаемых партнеров и играли, словно глядя поверх своих товарищей по сцене». Думается, что вину за подобные ненужные повторения автор должен разделить с редактором книги О. Россиншиной.

Однако это частности. А. Бруштейн написала хорошую книгу, за которую читатель скажет ей спасибо.

Д. АНАСТАСЬЕВ

ПИСАТЕЛЬ-СОЛДАТ

Когда дочитываешь «Избрание» поревоженного писателя Бориса Пескова, погибшего на фронте Отечественной войны, то прежде всего думаешь о нем самом — мужественном солдате, душевном человеке, талантливом писателе, и понимаешь, только безвременная гибель помешала ему создать интереснейшую книгу о русском человеке, отстоявшем в Отечественной войну Советского государства.

«Избрание» Б. Пескова (Воронеж, 1951 г., 242 стр.) объединяет довоенные и военные рассказы, очерки и заметки, опубликованные во фронтовой печати, личные суровые листы 1941/42 года, письма с фронта. Есть во всем, написанном им, завидное единство мироощущения: страницы его произведений пронизаны любовью к людям, умным и беречьшим вышним к (ОНОУЧАНИЕ СМ. НА 4 СТ.)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 115 23 сентября 1952 г. 3

Голод в Индии

Страшная весть пришла из далекой Индии — миллионам людей в этой стране снова угрожает голодная смерть. Голодом охвачены целые районы с многомиллионным населением — штаты Мадра, Траванкор-Кочин, Майсор, Бомбей, национальная провинция Андхра. Советские люди, узнав об этом бедствии, протянули руку братской помощи населению охваченных массовым голодом районов. Советские пароходы «Караганда» и «Адмирал Ушаков», отправившиеся с продовольствием для голодающих в Индию, в ближайшее время прибудут к месту назначения.

Мы помещаем сегодня обзор сообщений зарубежной печати о тяжелом положении трудящегося населения охваченных голодом районов Индии.

«...Смерть и отчаяние царят в Райяласима». Небывалый голод, охвативший этот район, угрожает существованию шести-миллионного населения. Сотни тысяч людей: сельскохозяйственные рабочие, крестьяне, ремесленники, ткачи вынуждены покидать землю своих предков.

На всех дорогах, ведущих к Майсору, Неллору, Тунгабарде, можно увидеть караваны обездоленных переселенцев с детьми на руках и свертками жалкого скраба на голове. Многие из них, истощенные и измученные, не могут уже идти дальше; они опускаются на землю и остаются лежать в ожидании неминуемой смерти. Здесь нет пищи, нет питьевой воды. Деревни, некогда цветущие, являют сейчас зрелище полной заброшенности и разрухи. В каждой из них остается не более двух-трех десятков человек — стариков и инвалидов. Эти несчастные едят листья, корни, плоды тамаринда, пальманду и умирают от вызванных этой «пищей» желудочно-кишечных заболеваний. Смертность от голода не прерастает.

Приведенный нами рассказ корреспондента индийской прогрессивной газеты «Кроссрод» — одно из бесчисленных свидетельств очевидцев, появившихся сейчас на страницах индийской печати. Но никакими словами нельзя передать неслыханные мучения десятков миллионов индийских крестьян, скваченных за горло костлявой рукой голода. Зарубежные газеты подчеркивают, что в ряде районов Индии голод стал обычным повседневным явлением. Официальный индийский справочник «Хиндустан бир бук» дает на этот счет такие сведения: даже в обычные годы, когда нет острых всплесков голода, 30 процентов населения Индии голодает или страдает от острого недоедания. Ежегодно от голодной смерти погибает сотни тысяч людей. Во время катастрофического голода в Бенгалии в 1943 году погибло три с половиной миллиона человек. Как заявила недавно директор индийской медицинской службы британский генерал Джон Мигу, «по меньшей мере 80 миллионов человек в Индии находятся в состоянии постоянного голода».

Однако в этом году голод (в связи с засухой) в ряде провинций, особенно на юге Индии, снова принял массовый, катастрофический характер. Уже в течение многих месяцев голодом охвачен штат Мадра (57 миллионов населения) и другие районы. Только в провинции Андхра, по данным агентства Рейтер, голодает более шести миллионов человек. 20 сентября то же агентство Рейтер передало из Мадраса: «Главный министр штата Мадра Раджагопалачари заявил 19 сентября, что весь штат, возможно, будет объявлен «районом голода».

Корреспондент агентства Юнайтед Пресс оф Пакистан сообщает из Аллахабада (штат Уттар Прадеш), что в районе Горахпур в настоящее время голодает более двух миллионов человек. Голодающая способность населения сведена к нулю. Профессор Шибанал Сакена, выступая в Дели, заявил, что в районе Горахпур уже умерло от голода 7 тысяч человек. Профессор Сакена отметил также, что в деревнях районов Ихаренди и Махараджанджид ежедневно отмечаются случаи голодной смерти. Несколько ранее газета «Таймс оф Индия» опубликовала заявление лидеров

Северная часть штата Мадра. — Ред.

НАВСТРЕЧУ КОНГРЕССУ НАРОДОВ В ЗАЩИТУ МИРА

АВСТРИЯ В ЭТИ ДНИ

...Раннее утро. Наша машина мчится по шоссе, соединяющему Трайскирхен с Веной. По обе стороны дороги мелькают густо разросшиеся сизоватые виноградники, квадраты порывистой стерни, яблоневые сады. Над горами, касаясь вершин, клубятся холодные голубоватые облака. То и дело пробивающиеся сквозь них солнечные лучи заливают окрестность мягким, ласковым светом, играют в спелых гроздьях винограда, рассыпаются шестрыми бликами по склонам гор, разукрашенных яркими красками наступающей осени.

Впереди покалывает большая эстакада, пересекающая шоссе. Еще издали видна огромная надпись, выведенная большими буквами на кокоде: «От Вены до Рима, американцы, убирайтесь вон!» Такие надписи встречаются здесь на каждом шагу — на стенах домов, на рекламных щитах, на изгородях, а то и просто на асфальте. Их делают австрийские патриоты, выражая таким образом свою волю к миру. Вот история одной надписи, широко известная в Вене.

«...Поздним вечером в одном из небольших пригородных местечек Вены по пустынной улице, освещенной лишь лунным светом, быстрой походкой, прижимаясь к домам, двинулись три человеческие фигуры. Вот эти люди подошли к каменному забору. Невысокая худенькая девушка начала быстро писать, повиновому, мелом крупные буквы. Ее спутники шли следом: один держал ведро с белой краской, другой опи-

«Американцы, убирайтесь домой!» — гласит надпись, сделанная австрийцами, которым дорог мир, на автострате Трайскирхен — Вена

рокой кистью обводил буквы, нацарапывая на стене. Вскоре уже можно было прочитать написанное: «Да здравствует мир во всем мире».

Оставалось только поставить восклицательный знак, когда неподалеку послышались мерные, тяжелые шаги. Блеснул козырек полицейской фуражки. Все трое переглянулись и неслышными шагами скрылись в ближайшем дворе. Полицейский подошел к надписи, постоял перед ней, как бы соображая, что предпринять, затем тронул одну из букв пальцем и замахал рукой... На другой день жители пригорода увидели эту надпись невредимой. В конце дозуга стоял восклицательный знак!

Далеко не всегда, однако, ночные рейды борцов за мир кончатся так безобидно. Политические ищники повсюду преследуют австрийских патриотов. Тех, кого застали на «месте преступления», часто задерживают. Потом этих людей выгоняют с работы, выселяют из домов, а то и просто бросают в тюрьмы. Так произошло недавно с юным борцом за мир Вернером Рейзингером. Вместе со своими товарищами он распространял в местечке Феклабруке (Верхняя Австрия) листовки, призывающие к усилению борьбы за мир. На одном из перекрестков юноша был схвачен полицией и отправлен в тюрьму.

Но на защиту Рейзингера выступило население Феклабрука и его окрестностей, с возмущением протестовавшее против незаконного ареста юности-патриота. В связи с этим организация Свободной австрийской молодежи направила резолюцию протеста главе провинциального правительства Верхней Австрии и потребовала немедленного освобождения Вернера Рейзингера. «Подобными мерами, — говорилось в этой резолюции, — не запугать молодежь в ее борьбе против угрозы войны».

С особой силой развернулось в Австрии движение в защиту мира в последнее время, когда стало известно решение чрезвычайной Берлинской сессии Всемирного Совета Народов о созыве 5 декабря в Вене Конгресса народов в защиту мира. Каждый австрийский патриот с гордостью сознает, какую большую честь оказали его родине простые люди всей земли. Трудящиеся Австрии готовятся с честью встретить дорожки гостей — посланцев всех народов и стран земного шара.

Простые люди Австрии хорошо знают, кто главный виновник их нынешних бедствий. Это — американские оккупанты, стремящиеся превратить западные зоны Австрии в свой военный плацдарм.

Город Зальцбург. Здесь родился и творил свои гениальные произведения великий Моцарт. По установившейся традиции сюда в былые времена на музыкальные фестивали съезжались выдающиеся музыканты

разных стран. Теперь же слово «Зальцбург» напоминает австрийцам совсем о другом: этот город стал одним из главных центров милитаризации Австрии. Американская военная конфисковала под Зальцбургом значительные участки земли и соорудила там крупный танковый полигон. Неподалеку от города, в Лоферской долине, американским командованием созданы склады боеприпасов и отравляющих веществ... Возмущенное отнюдь агрессивными приготовлениями янки-оккупантов население Зальцбурга выступает со все более настойчивыми протестами против превращения города и его окрестностей в военный лагерь войск США. Борьбу жителей Зальцбурга поддерживает весь народ. В знак солидарности с патриотами Зальцбурга в Вене в конце августа был проведен многотысячный митинг сторонников мира. Огромный зал «Вайершхоф» был переполнен до отказа. Те, кто не сумел попасть в помещение, продолжали стоять на улице. Включили репродукторы, и венцы, собравшиеся у «Вайершхоф», смогли принять участие в митинге. Криками одобрения они поддерживали требования выступавших в зале:

«Прекратить военное строительство в Зальцбурге, прекратить военные приготовления в Западной Австрии!»

11 сентября из Зальцбурга в Вену прибыла делегация производственных советов крупнейших предприятий города — целлюлозной фабрики, заводов «Диабаз верке», алюминиевого завода, а также представители крестьян зальцбургского района.

Делегация направила в резиденцию канцлера Фишля, чтобы вручить последнему протест против конфискации американцами земли в Зальцбурге под строительство танкового полигона, а также против создания складов отравляющих веществ и боеприпасов. Однако г-н Фишль не принял эту мирную делегацию.

В патриотическое движение против милитаризации страны включаются все новые и новые слои населения. Недавно в Зальцбурге прошла демонстрация женщин. Прямо перед глазами американских оккупантов бесстрашные патриотки пронесли плакаты, на которых было написано: «Мы не хотим войны». «Долой военное строительство в Западной Австрии!» Зальцбургских сторонниц мира поддержали трудящиеся предприятия «Залине», расположенного близ Зальцбурга. Коллектив «Залине» выдвинул лозунг: «Мы выступаем против всех военных приготовлений, ибо они угрожают нашей культуре, нашей экономике и прежде всего — миру».

Демонстрация сторонников мира в Вене. На плакате написано: «За мир, за счастье наших детей!»

Уничтожить склады отравляющих веществ в Лоферской долине!

В течение нескольких дней массовые собрания и митинги протеста против конфискации американцами земли в районе Зальцбурга для военных целей проходили в различных городах и селах Австрии. Требования зальцбургских патриотов поддержали сторонники мира Байернбаха (Западная Штирия), от имени 1.300 горняков — производственный совет угольной шахты в Грюнбах (Нижняя Австрия), совет сторонников мира в Штирии (английская зона оккупации), союз мелких сельских хозяйств района Кремса и множество других организаций, представляющих самые различные слои населения.

Коллектив венского театра «Скала» в резолюции, единогласно принятой на собрании, отмечал: «Мы понимаем, что создание танкового полигона было бы не только нарушением над городом, в котором родился и творил великий Моцарт, но и новым шагом на пути подготовки войны, которая принесла бы всей Австрии неслыханные ужасы и страдания».

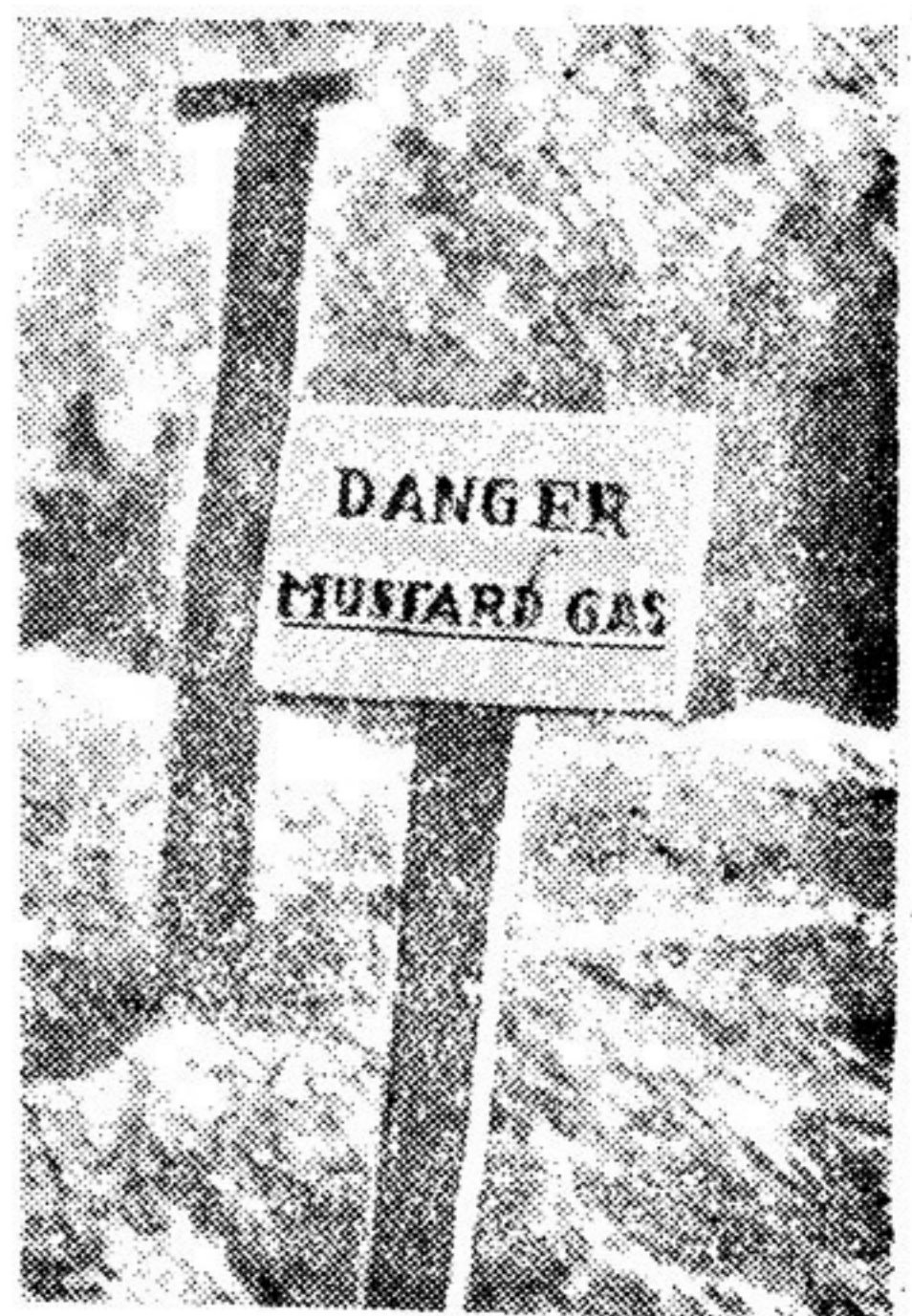
Венский совет сторонников мира направил бургомистру Вены Йонасу письмо, в котором говорится:

«От имени 450 тысяч мужчин и женщин Вены, подписавших Обращение Всемирного Совета Народов о заключении Пакта Мира между пятью великими державами, от имени всего миролюбивого населения нашего города Венский совет сторонников мира обращается к вам, ибо военное строительство в Зальцбурге непосредственно угрожает не только этому городу, но и Вене, и всей нашей стране. Поэтому Венский совет сторонников мира предлагает вам созвать заседание общинного совета Вены и заявить на нем о солидарности с общинным советом Зальцбурга, борющимся против военного строительства американцев. Прекратить военное строительство в Зальцбурге, прекратить военные приготовления в Западной Австрии!»

11 сентября из Зальцбурга в Вену прибыла делегация производственных советов крупнейших предприятий города — целлюлозной фабрики, заводов «Диабаз верке», алюминиевого завода, а также представители крестьян зальцбургского района.

Делегация направила в резиденцию канцлера Фишля, чтобы вручить последнему протест против конфискации американцами земли в Зальцбурге под строительство танкового полигона, а также против создания складов отравляющих веществ и боеприпасов. Однако г-н Фишль не принял эту мирную делегацию.

В патриотическое движение против милитаризации страны включаются все новые и новые слои населения. Недавно в Зальцбурге прошла демонстрация женщин. Прямо перед глазами американских оккупантов бесстрашные патриотки пронесли плакаты, на которых было написано: «Мы не хотим войны». Она обратилась к жителям Вены и ко всему австрийскому народу с призывом развернуть широкую разъяснительную работу среди населения о целях и задачах предстоящего Конгресса.

В Лоферер Хохталь (около Зальцбурга) американцы создали большой склад боевых отравляющих веществ, окружив его запретной зоной. На фото: вход в подземное складское помещение; надпись предупреждает: «Опасно! Иприт!»

Вадим СПИЦЫН

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(НАЧАЛО СМ. НА 3 СТР.)

ним, пониманием душевных движений разных, всегда интересных для писателя характеров. И еще одно роднит все работы Б. Пескова — полновидное поэтическое описание русской природы, звучащее в его книге как тема Родины.

Писатель выбирает для рассказа тот переломный момент в жизни и сознании своего героя, когда в нем становятся явственно видными новые черты характера и качества, приобретенные за годы советской власти.

Опыт полнотрагического действующей армии обогатил писателя. Во фронтовых зарисовках Пескова выразительны портреты людей, замечательных, отличившихся в боях, привлекающих мужеством, стойкостью, душевной силой. «Боже мой, как много хороших людей!» — записывает он. У него зреет замысел большого романа о советских солдатах — «Против смерти».

В отрывках записей фронтового дневника, в письмах особенно видно, как органична любовь Бориса Пескова к природе. В самые трудные дни умеет он увидеть молодой осинник, что «словно дождь, стелет стеной», лес, где «от снега тесно», где «снего так тажед, что ели в изнеможении опустили свои белые рукава в сугробы».

В Борисе Пескове естественно сочетаются пламенный агитатор и зоркий художник. В его книге есть понимание больших событий и тончайших душевных движений, он умел точно и образно выразить то, что чувствовал и видел.

Следует отметить вступительную статью О. Кротовой к сборнику Б. Пескова, написанную с любовью к писателю.

Л. ЗОНИНА

РАДИЩЕВ В СИБИРИ

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? Я тот же, что и был и буду весь мой век: Не скот, не дерево, не раб, но человек! Дорогу проложит, где не было следу. Для бразых смельчаков и в прозе и в стихах, Чувствительным сердцам и истине я в страх

В отстрог Илимский еду, — писал Радищев на пути в ссылку. Мы не знаем, кому именно отвечал он, но ответ его воспринимается, как увещание друзей в твердости своих убеждений и как

гневная отповедь врагам. Этой клятвой верности своим революционным убеждениям начинается период сибирской ссылки в жизни Радищева, а точнее и строже говоря, сибирский период деятельности великого революционера-патриота. Собранный в книге А. Шмакова («Радищев в Сибири», Иркутск, 1952, 100 стр.) материал наглядно свидетельствует о том, как многогранна и плодотворна была работа Радищева в Сибири. Человек исключительных широких интересов, создатель энциклопедического произведения XVIII века — знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву», писатель в ссылке, в заточении, вдали от культурных центров не только не прекратил просветительской деятельности, а, наоборот, развернул всю мощь своего дарования, работая на благо Родины. Революционер в политике, определявший всех своих современников, художник, прокладывавший дорогу реализму, философ-материалист, движущий на десятилетия философскую мысль в России, Радищев вместе с тем был блестящим экономистом, историком, этнографом, филологом. Но и это не исчерпывает круга его научных интересов и сферы его деятельности. Он, кроме того, занимался географией, геологией, ботаникой, минералогией, химией, медициной, — по справедливому определению автора рецензируемой книги, был «первым народным врачом», успешно вводившим новаторские методы лечения.

Читая книгу Шмакова о деятельности Радищева в Сибири, видишь в революционере-подвижнике человека, который реально, строго, по-хозяйски относится к своей стране. Эта черта личности Радищева остается как-то в тени и представляется на первый взгляд невероятной: сырьевый, заключенный чувствует себя хозяином земли, а место своего изгнания считает частью Родины... Но именно данная черта органична всему облику патриота-революционера.

Очунувшись в Сибири, Радищев развернул кипучую деятельность по изучению экономики и природных богатств края. «Полюску сей край есть горный, у меня будет много поводов для разведок. Я вошел во вкус сих занятий», — пишет он А. П. Воронцову.

Не только ископаемые, но и фауна и флора Сибири являются предметом пристального наблюдения Радищева. Изучение климата и почвы Сибири показало Радищеву, что в этом суровом крае есть возможность расширять новые огородные культуры, и он продвигает на север растения юга, как бы предвосхищая работу ученых нашего времени.

Велика роль Радищева в разработке во-

просов экономики, в частности, вопросов внешне-экономических сношений. Он был активным сторонником возобновления торговли с Китаем через Якуту, а когда она была установлена, Радищев стал защитником высоких моральных принципов во внешней торговле.

Сравнительно большой материал, по черточкам, по деталям собранный в книге А. Шмакова, дает целостное представление о многогранной деятельности Радищева в Сибири. Но книга не во всем одинакова. Слабой ее стороной является изложение философских взглядов Радищева. Анализ знаменитого трактата «О человеке, о его смертности и бессмертии» — блестящая, ясная страница. Вот что написал тов. Шмаков о 3-й и 4-й частях философского трактата: здесь «Радищев говорит о возможности бессмертия души и допускает колебания в освещении этого вопроса, приходит к выводу, что последнее научно доказать нельзя, а можно лишь принять на веру».

Так мало уловил в исключительно богатых разделах трактата автор; а ведь в них ставится вопрос о роли личности в истории, о влиянии обстоятельств на деятельность человека, делается попытка установить закономерности развития наук...

Иногда А. Шмаков стремится приукрасить, «улучшить» писателя. Есть, например, у Радищев суждения о шаманизме, в которых философ отстает от материализма. Но А. Шмаков произвольно решил их материалистически истолковать и поставил себя в неловкое положение: приведенный рядом высказывания самого писателя опровергают слащавый комментарий.

Радищев не нуждается в приукрашивании. Задача исследователя в том, чтобы показать подлинное, действительное, а не мнимое величие писателя.

В. АРХИПОВ

СЕКРЕТ ГОСПОДИНА ПОЛЯ

Поставщик «живого товара» в притоны Южной Америки, уголовный преступник, осужденный за укрывательство краденого, агент гестапо, повинный в гибели десятков французских патриотов, — таков Роже Пейре, главное действующее лицо в романе прогрессивного французского писателя П. Тийера «Секрет господина Поля» (Издательство иностранной литературы, 1952 г., 126 стр.). Милостиво американской звездки бандит, по которому плакала виселица, ста-

бы. Тийер с неумолимой логикой устанавливает тлетворное влияние американского владычества на нравы французских правителей.

Книга написана живо и увлекательно. В ней много характерных сценок, вроде рассказа о подкупе генерала Вроста, о полдобратном выпрашивании Ревером у Пейре «пятой звездочки». Сильное впечатление оставляют страницы, описывающие дикие зверства французских офицеров во Вьетнаме.

Четыре месяца правящие круги делают все возможное, чтобы скрыть скандал. И все же он выплывает наружу, становится достоянием прессы, влечет запрос в парламент. Приходится «кидать балласт»: отрешить от высоких постов наиболее дискредитированных лиц. По делу министров Рамалье и Жель-Мокка, а с ними и многих других главарей «революции», широко пользовавшихся «спедротами» Пейре, раздуваются, заманивают. Что касается самого Пейре, то ему не приходится довольствоваться. В его руках остались документ, письма, расписки, которых достаточно, чтобы потопить в грязи всю правящую верхушку четвертой республики. И Пейре спешит сплывать в Бразилию.

Эта история отнюдь не вымышленна. П. Тийер просто изложил в беллетристической форме пресловутое «дело генералов», столь памятное в 1949—1950 годах. Пейре, Ревер, Маст, не говоря уже о фигурирующих в романе министрах, действительно существовавшие лица, названные своими собственными именами. Описываемые автором события и факты на самом деле имели место. О них сообщила печать. Их оглашали в парламенте, широко обсуждали в клубе, скандальной до конца грязной «эпопее», убедительно раскрыл психологию и мотивы поступков ее действующих лиц, с большой обличительной силой нарисовал картину чудовищного морального разложения правящих кругов Франции. Третья республика знала немало громких скандалов, начиная со знаменитой Панамы. Но им далеко до нынешних... С тех пор, как судьями Франции стали распоряжаться заатлантические гаулейтеры, ее политические скандалы приобрели поистине американские масшта-

бы. Тийер с неумолимой логикой устанавливает тлетворное влияние американского владычества на нравы французских правителей.

Такое содержание повести «Большая перемена». Такое последнее ее сюжет, без хитросплетений и литературных ходов. Автор стремится показать жизненные трудности, он далек от лакировки действительности — и это все заслуживает одобрения.

Замысел автора ясен. Он хотел написать трудную, но интересную работу педагога, показать радости и горести этого труда.

Но А. Парфенов не сумел этого сделать. Неудачна композиция повести. Автору хочется рассказать о своей главной героине

НЕУДАЧНАЯ КНИГА

Первую книгу неизвестного автора беречь с повышенным интересом. Хочется знать, о чем написана книга, для кого написана, как написана?

Повесть «Большая перемена» (изд. «Молодая гвардия», 1952 г., 224 стр.) — первая молодой сельской учительнице, адресована в первую очередь молодежи. А как написана — об этом и хочется поговорить.

Дождливой ночью приезжает на маленькую железнодорожную станцию в Смоленщине выпускница московского института Аня. Ее не встретили, и она идет с чемоданом по скользкой грязи в село Зубово, где в дальнейшем она учительствует. В школе есть хорошие педагоги. Только один, заведующий учебной частью Ковров, — незадачный учитель, считающий ненужной связь учебы с практической работой школьников в колхозе. С Ковровым борются все, и это — главный нерв повести. Есть еще один «трудновоспитуемый» ученик — Сеяя Петрухин. В конце повести оба отрицательных героя перевоспитываются, а повесть кончается традиционным школьным вечером выпускников.

Такое содержание повести «Большая перемена». Такое последнее ее сюжет, без хитросплетений и литературных ходов. Автор стремится показать жизненные трудности, он далек от лакировки действительности — и это все заслуживает одобрения.

Замысел автора ясен. Он хотел написать трудную, но интересную работу педагога, показать радости и горести этого труда.

Но А. Парфенов не сумел этого сделать. Неудачна композиция повести. Автору хочется рассказать о своей главной героине

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР К. СИМОНОВ.
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Г. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).